

УДК 316.482.3
3-59

Зиборова Лидия Владимировна

преподаватель кафедры общественных дисциплин Ставропольского филиала Московского гуманитарно-экономического института
тел. (962) 000-53-48

Авторитарно-монархическая стратегия институционализации классовой борьбы в России XIX – начала XX в.

Аннотация:

Статья посвящена анализу стратегии институционализации классовой борьбы в России XIX – начала XX в. Рассмотрены общие и отличительные черты западного и русского консерватизма.

Ключевые слова: авторитарно-монархическая стратегия, институционализации классовой борьбы, абсолютизм, авторитарная монархия, консервативная модернизация политического режима, крестьянская реформа 1861г.

В отношении борьбы за власть новых классов царский режим России предпочитал репрессии и исключение, проявлял нерешительность относительно реформ. В конечном счете, государственники-реформаторы избрали германскую модель модернизации абсолютистского режима [1, с. 197]. Идеология русского консерватизма, получившая развитие в XIX в., оправдывала институционализацию классовой борьбы посредством модернизации режима.

У западного и русского консерватизма имеются общие и отличительные черты. Консервативных идеологов объединяет постулат органицизма, который они применяют в качестве антитезы либеральному принципу индивидуализма. Согласно органицизму, государство является аналогом живого организма, которому свойственны «рост», «развитие» и «гниение» [2, с. 3–5]. Консерваторы подчеркивают «естественное» происхождение общества, что делает невозможным произвольный перенос политического и социального опыта и политических институтов одних обществ и государств на чужеродную почву, а также ограничивает возможности реформирования политической системы [3, с. 81–82].

Э.А. Попов отмечает, что органицистскому подходу соответствует разрабатываемая с середины XIX в. концепция «классовой (социальной) солидарности», которая у славянофилов именуется «соборностью». Этот ключевой для русского и общеевропейского консерватизма постулат являлся антитезой принципам прогрессистских идеологий [4, с. 82]. Антибуржуазный характер русского консерватизма отмечает Г. Круговой: «В числе русских критиков европейской буржуазной цивилизации можно назвать имена таких представителей религиозно-философского направления, как Н.Ф. Федоров, Л.Н. Толстой, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский, И.В. Киреевский, Н.В. Гоголь. Речь здесь идет не об отрицании института частной собственности или частной инициативы. Отталкивание от буржуазного духа связано у всех них с протестом против редукции духовно-эстетической стороны человеческого бытия к механизму свободных от оценочных суждений товарно-рыночных отношений, с протестом против положения, при котором, пользуясь словами Бердяева, «не церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни» [5, т. 21, с. 348–349].

Идеология консервативной модернизации абсолютизма руководствуется принципом монархии как истинной власти. В европейской традиции власть монарха дана Богом, либо мировым разумом, который, по Гегелю, предположительно берет начало от Бога [6, с. 320]. Поскольку разум монарха Божией милостью просветлен

больше других, то абсолютная монархия способна инициировать экономические и политические реформы в интересах подданных. В русской консервативной мысли модернизация абсолютизма имеет нравственно-религиозное оправдание. Согласно Л.А. Тихомирову, монархия олицетворяет единую и единственную власть, данную Богом для устранения препятствий народному благу. В политической реальности монархия может быть ложной и истинной. Ложность заключена в принципе абсолютизма, игнорирующего традицию самоуправления народа. «Монархия истинная, то есть представляющая верховную власть нравственного идеала, неограниченна, но не абсолютна. Она имеет обязательные для нее начала нравственно-религиозного характера, во имя которых только и получает свою законно не ограниченную власть. Она имеет власть не в себе самой и поэтому не абсолютна» [7, с. 171]. В XIX в. русские консервативные реформаторы видели монарха богоподобным, но не божественным лицом и требовали уравнивания всех сословий и классов перед царем, как и всех верующих перед Богом. Точно также монарх не мог быть неверующим человеком, не мог не стремиться приближать к себе лучших людей отечества.

Требование сословного равенства перед властью монарха могла привести к опасной для консерватизма доктрине социального равенства. Для ее избежания и оправдания существующего неравенства использовался принцип социального превосходства дворянства. Он дедуцировался из представления о естественном неравенстве людей по способностям, талантам, нравственному состоянию. Консерваторы К.П. Победоносцев и М.Н. Катков не принадлежали к дворянству и, тем не менее, считали необходимым отстаивать его сословные привилегии в ходе модернизации царского режима. Определяющим в их отношении к дворянству был не пафос аристократизма, а прагматично-функциональный подход: «дворянство должно было быть встроено в государственную систему бюрократических структур, стать частью бюрократического механизма» [8, с. 86].

Идеология консервативной модернизации абсолютизма является в равной мере антилиберальной и антисоциалистической доктриной. Консерватизм отличает вера в неизменность природы человека: за цивилизованным поведением индивидов скрываются злобность, иррациональность и склонность к насилию. Кроме того, люди по природе не равны в своих физических и интеллектуальных способностях. Для них свобода важнее факта равенства. Следовательно, общество всегда имеет классы, которые бесполезно устранять. Общество всегда нуждается в правящей аристократии, а введение правящего большинства приводит к тирании. Согласно консервативной морали, люди не обладают от рождения правами. Их люди заслуживают при выполнении обязанностей. Ценой этих прав являются служение государству, усилия, культивирование добродетелей и самоограничение. Относительно свободы и порядка важнейший институт – частная собственность. Сохранение традиционных институтов, ценностей, символов и ритуалов является обязательным и священным делом поколений. Человеческий разум ограничен. Мудрость и добродетельность заключены в историческом опыте.

Кроме этих основополагающих идей, в русском консервативном мышлении существует вера, что все политические проблемы имеют религиозную природу. Ограниченная рациональность людей не способна обслуживать их потребности. Общество и человеческое сознание определяются божественным замыслом. Единственным историческим равенством людей может быть только моральное равенство. Напротив, либералы предпочитают унификацию, эгалитаризм и преследование утилитарных целей.

В представлении консерваторов цивилизованное общество требует порядка и классов. Они неотделимы от собственности и свободы. С точки зрения консерваторов, подходящим инструментом модернизации политического режима является божественная предусмотрительность. Модернизация абсолютизма необходима для сохранения общества. Она подобна вечному обновлению человеческого рода. Но изменение режима должно всегда происходить медленно и с осознанием направления, предусмотренного Провидением.

Практическая модернизация царского режима в России началась с крестьянской реформы 1861 г. и продолжалась до февральской революции 1917 г. Консервативная модернизация определяла ход борьбы монархистов-реформаторов и оппозиционных движений за будущее политическое устройство России.

В реформаторском правительстве Александра II преобладала консервативная идеология, которую К.Д. Кавелин именовал «перерождением дворянства» [9, с. 142], а В.И. Ленин – «прусским путем развития» [10, т. 12, с. 315]. Этот «путь развития» был начат реформами Г. Штейна и К. Гарденберга в Пруссии в 1807–1814 гг. Реформы легитимировались идеей экономической свободы крестьян, но были направлены в первую очередь на превращение поместий юнкеров в капиталистически действующие хозяйства, поскольку предусматривали выкуп крестьянами повинностей за уступку помещику от 1/3 до 2/3 их надела. Чтобы предотвратить социальное недовольство безземельных крестьян, власть постепенно вводила элементы социального гражданства (социальное страхование, гарантированный минимум оплаты наемного труда), интегрировала социальные группы в монархическую систему стратегией «разделяй и властвуй», особенно очевидной в период канцлерства. Претензии юнкерства на социальное превосходство удовлетворялись сохранением дворянского политического доминирования, о чем свидетельствует, например, исключительный закон против социалистов в 1878–1880 гг. в Германии.

Российские реформаторы восприняли стратегическую линию прусского пути «перерождения дворянства», о чем пишет Кавелин: «С изданием Манифеста и Положений 19 февраля 1861г. ... дворянство должно совсем иначе взглянуть на свои права, обязанности, отношения и выгоды, чем смотрело до сих пор: вместе с изменившимися обстоятельствами ... оно должно переродиться», то есть начать по капиталистически хозяйствовать [11, с. 191–192].

В отличие от Запада, духовные предпосылки отмены крепостного права в России имели плюралистический характер: предстоящую реформу поддерживали светские и религиозные идеологии. В то же время они по-разному интерпретировали ценность будущего порядка – свободу крестьянства. О глубокой включенности русской православной церкви в пропаганду отмены крепостничества свидетельствует тот факт, что, предвидя противоречивые последствия реформы 1861 г., митрополит Филарет предложил исключить из проекта манифеста упоминание «о дне великой радости для русского народа» [12, с. 182].

Поводом для начала крестьянской реформы, проводимой царским правительством, стало поражение России в Крымской войне, которая подтвердила низкую способность режима решать геополитические проблемы и экономическую отсталость страны. Манифестом от 19 февраля 1861 г. было объявлено об отмене крепостного права и предоставлении крестьянам личной свободы. На основе этого документа помещичья собственность на землю сохранялась. Полученные от помещиков наделы крестьяне обязаны были выкупать. Правительство обязалось выплатить помещикам сумму выкупа земельных наделов, которые крестьяне должны были погасить за 49 лет по 6 % ежегодно (выкупные платежи). Сумма вычислялась из величины оброка, который крестьяне платили помещикам до реформы (взимание выкупных платежей прекратилось в результате революции 1905 г.; правительство успело взыскать с крестьян свыше 1,6 миллиарда рублей, получив 700 миллионов рублей дохода). Судебные полномочия от помещиков переходили к волостным судам, избираемым крестьянами. Выход крестьянина из общины предполагал положительное решение большинства домохозяев («мирской приговор»).

Деструктивные последствия крестьянской реформы обнаружились летом 1861 г., когда начались крестьянские волнения и восстания. Свобода крестьянина – легитимирующая ценность реформы – не соответствовала нормативно установленным условиям землепользования, прежде всего требованию выкупных платежей за землю помещика.

Состояние аномии, утрата социальной идентичности вели к росту крестьянского недовольства пореформенным порядком. Поскольку аномия

психологически блокировала внешний социальный контроль, социальное недовольство перерастало в социальные волнения, политические демонстрации и крестьянские восстания. Общественный резонанс имели Бездненские волнения крестьян Казанской губернии (6 апреля 1861 г.), антиправительственная демонстрация (16 апреля 1861 г.) в Казани в связи с расправой над участниками беспорядков, Кондеевское восстание крестьян Пензенской и Тамбовской губернии (1–8 апреля 1861 г.), подавленное войсками. Подавление социальных конфликтов хотя и породило среди крестьянства уверенность к способности режима контролировать порядок силой, но не устраняло причин социального недовольства. Оно усиливалось по мере обнищания крестьянского населения, проявлялось в многочисленных нарушениях законов о собственности, и во время революции 1905–1907 гг. толкало крестьян на захват господских земель. Массовый голод в 1891 г. в плодородных губерниях страны вскрыл глубину аграрного кризиса, неспособность крупных землевладельцев без наемного труда решить продовольственную проблему. Кризис стимулировал оппозиционные движения, ставившие под сомнение существующий политический строй.

Продолжение консервативной модернизации царского режима после революции 1905 г. способствовало появлению буржуазных партий компромисса и профсоюзов, руководимых реформистами. Повторяющиеся репрессии подрывали влияние либералов и реформистов. Социал-революционеры стояли во главе рабочего и крестьянского движений. Разделение и нерешительность придворной элиты сдерживали успешную адаптацию германской модели институционализации классовой борьбы в России. Программа модернизации режима привела к внутренней дезинтеграции прежде лояльного дворянства и буржуазии. Режим испытывал недостаточность корпоративного ядра консервативных модернизаторов.

Консерватор А.П. Столыпин, руководитель аграрной реформы, рассчитывал на поддержку режима богатых и средних слоев крестьянства, но его влияние на придворную элиту было неустойчивым. Внутреннее противоречие режима усиливалось нерешительностью Николая II. Когда монархия зависит от личных качеств монарха, она подвергается опасности разрушения. Внутри спектра авторитарной монархии в России отсутствовала стратегия перехода к корпоративной монархии, и модернизация режима зависела от монарха. Государственная Дума не контролировала правительство и была идеологически расколота. С другой стороны, в предвоенной России экономическая и военная модернизация проходили успешно. С точки зрения правительственного контроля классовой борьбы, в 1914 г. слабости трансформируемого монархического режима были несущественны. Контроль был утрачен вследствие первой мировой войны, и российская монархия была революционно свергнута.

Итак, авторитарно-монархическая стратегия институционализации классовой борьбы в развивающемся капиталистическом обществе требует консервативной модернизации политического режима, перехода от абсолютизма к авторитарной монархии. Стратегия предусматривает интеграцию новых классов буржуазии и рабочих в политическую систему общества при сохранении лояльности режиму традиционных классов дворянства и крестьянства. Поскольку консервативная модернизация режима обеспечивает частичные гражданские свободы, она может рассматриваться промежуточной линией эволюции, развивающейся от абсолютизма к конституционной монархии. Эта линия эволюции может быть прервана появлением либерально-демократических или тоталитарных режимов, применяющих иные типы стратегий институционализации классовой борьбы.

Ссылки:

1. Мусихин Г.И. *Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма)*. СПб., 2002.
2. Белов А.В. *Культура глазами философов-органицистов*. Ростов-на-Дону, 2002.

3. Попов Э.А. *Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика*. Ростов-на-Дону, 2005.
4. Там же.
5. Круговой Г. *Философская и политическая мысль русской национальной интеллигенции первой половины XX в. (Отзыв на книгу Н.П. Полторацкого «Россия и революция»)* // *Записки Русской академической группы в США*. Нью-Йорк, 1988.
6. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990.
7. Цит. по: Кольев А.Н. *Нация и государство. Теория консервативной реконструкции*. М., 2005.
8. Попов Э.А. Указ. соч.
9. Кавелин К.Д. Указ. соч.
10. Ленин В.И. *Развитие капитализма в России* // П.с.с.
11. Кавелин К.Д. Указ. соч.
12. Там же.